

Россия и Черногория: некоторые исторические уроки взаимодействия*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Russia and Montenegro; Certain Lessons of Past Cooperation.*

The article is devoted to the history of the Russo-Montenegrin relations on the eve of World War I. The author pays particular attention to the bilateral military convention of 1910. It was suspended after the Balkan wars of 1912–1913 because of King Nicolas' attitude towards Russia. On the other hand Russian political and military leadership was interested in cooperation with Montenegro in pre-war context. Moreover there were various opinions towards matter under discussion within Russian Foreign Ministry as well as Russia Army General Staff. As a result the problem of military convention prolongation got important geopolitical aspect.

Ключевые слова: Россия, Черногория, Балканы, Австро-Венгрия, военно-политическое сотрудничество, Первая мировая война.

Внутренне противоречивый характер отношений России со своими балканскими и славянскими союзниками как нельзя более наглядно демонстрирует история российско-черногорского взаимодействия (прежде всего, военного) накануне Первой мировой войны. Сегодня, сто лет спустя после тех событий, представляется еще более важным проанализировать их с точки зрения лучшего понимания нынешнего состояния и перспектив взаимоотношений России со странами региона. Не случайно в наши дни налицо новый всплеск интереса в обществе и к самой Первой мировой войне, и к проблемам ее предыстории.

В центре проблематики российско-черногорских отношений оказался вопрос возобновления военной конвенции 1910 г., приостановленной российской стороной после начала Первой Балканской войны (начатой Черногорией без предварительного согласования этого вопроса с Санкт-Петербургом, как то обязывал документ).¹

Впервые вопрос о целесообразности продолжения военной помощи Черногории был поставлен в донесении российского военного агента в этой стране генерал-майора Н.М. Потапова от 17 марта 1913 г. в отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, в котором указывалось на все более определяющуюся вероятность заключения сербо-черногорского соглашения о проведении совместной военной политики.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

Начало военному объединению двух государств было, по его мнению, фактически положено во время боевых действий на фронтах Балканской войны и, в частности, принятием черногорскими войсками под Шкодером (Скадаром) сербских артиллерийских инструкторов, а также их общим подчинением сербскому генералу. В связи с этим Потапов указал на настоятельную необходимость немедленно приступить к подготовке вывода российских военных инструкторов из Черногории, «дабы сама ликвидация произошла впоследствии незаметно, иначе единовременное отозвание всех инструкторов после войны может принять вид или враждебной демонстрации нашей по отношению к Черногории, или же обидного для нас отказа Черногории иметь наших инструкторов».² Одновременно, по его мнению, в связи с осуществленной на днях русско-австрийской демобилизацией, отпадает необходимость пребывания российских военных представителей в этом районе Балканского полуострова с точки зрения общеполитической обстановки в Юго-Восточной Европе.³

Данная позиция была подтверждена Потаповым в донесении от 9 мая 1913 г., в котором он рекомендовал ускорить разрешение вопроса о нахождении российских военных инструкторов в Черногории в связи с переходом черногорской армии на мирное положение, а также началом практической деятельности только что сформированного кабинета генерала Я.Вукотича, что делало пребывание военных специалистов с каждым днем все более неопределенным не только с точки зрения иностранных представителей в Цетинье, но и в глазах самих черногорцев.⁴

Более подробный анализ истории и настоящего положения российско-черногорского военного сотрудничества с точки зрения командования российской армии был дан в послании военного министра В.А. Сухомлинова на имя министра иностранных дел России Сазонова от 18 мая 1913 г. Автор указывал, что приостановка со стороны военного ведомства выдачи Черногории ежегодной военной субсидии, а также фактическое прекращение деятельности российских офицеров-инструкторов (что было предусмотрено положениями русско-черногорского военного соглашения) были вызваны началом военных действий между Черногорией и Турцией и происшедшими вследствие этого нарушениями условий данного соглашения со стороны черногорского правительства.⁵ В сложившейся ситуации, исходя из близкого окончания войны, а также выясняющейся возможности реализации на практике объединения Черногории и Сербии в военном отношении, министерство, по словам Сухомлинова, поддерживает положения, содержащиеся в телеграммах российского военного агента, и просит министерство иностранных дел сообщить, считает ли оно целесообразным - с внешнеполитической точки

зрения – оставить в силе русско-черногорское военное соглашение, в прямой зависимости от чего находится решение вопросов о продолжении российской военной субсидии и инструкторской деятельности в Черногории.⁶

Данная точка зрения была поддержана председателем совета министров России В.Н. Коковцовым в письме на имя Сазонова от 28 мая 1913 г. Он отмечал, что заключение русско-черногорской военной конвенции было обусловлено неблагоприятным для интересов России изменением политической обстановки на Балканах после аннексии Боснии и Герцеговины и преследовало цель противодействовать попыткам Австро-Венгрии укрепить свое экономическое и политическое влияние в Черногории. Несмотря на точное и добросовестное выполнение Россией своих обязательств по данному договору, король Никола, в прямое нарушение соответствующей статьи конвенции, начал военные действия против Турции без согласия и даже ведома российского правительства, а затем, в ходе военных действий, «совершенно не считался с нашими указаниями и даже не останавливался перед такого рода действиями (речь идет в первую очередь о Шкодринском кризисе – П.И.), которые создавали для русской дипломатии весьма нежелательные осложнения». ⁷ На этом основании председатель совета министров находил нецелесообразным сохранение военного соглашения, тем более, что «наблюдаемое ныне сближение между Черногорией и Сербией в значительной степени устраняет невыгодное для нас подчинение Черногории австрийскому влиянию». ⁸ Если же, тем не менее, продолжал автор послания, будет признано предпочтительным, исходя из общеполитических соображений, возобновить действие соглашения, то было бы желательно предусмотреть определенные гарантии добросовестного выполнения черногорской стороной его условий, «дабы соглашение это не только обеспечивало серьезные преимущества Черногории, но отвечало бы и интересам русской политики на Балканском полуострове». ⁹

Данную позицию разделял и российский посланник в Черногории А.А. Гирс, но его аргументация была несколько иной. В своей телеграмме, отправленной 7 июня 1913 г. из Дармштадта, он отмечал, что действия черногорского короля Николы за время Балканской войны со всей определенностью свидетельствовали о том, что он при заключении военной конвенции, в первую очередь, намеревался использовать ее в качестве источника получения денежной субсидии для оснащения и содержания армии, одновременно оставляя за собой известную свободу действий и возможность прямого неподчинения указаниям и требованиям России. Что же касается российских офицеров-инструкторов, то их деятельность по

подготовке военных кадров имела для него более чем второстепенное значение. По свидетельству Гирса, офицеры постоянно жаловались на вмешательство короля в дело обучения и организации армии с требованиями, не имевшими ничего общего с вопросами военной техники и тактики. Это часто приводило к прямому блокированию их трудов и в известной мере сказалось на плачевном исходе военных операций черногорской армии под Скадаром. Что же касается перспективы, то, по мнению российского дипломата, не существует никаких серьезных оснований ожидать перемен в отношении короля Николы к делу обучения своей армии.

Кроме того, продолжал Гирс, «ввиду племенных особенностей сербов Черногории, образующих скорее клан, чем государство, мы вряд ли добьемся образования из них боевой единицы, отвечающей всем современным требованиям военной техники и нашим военно-политическим задачам, существенно изменяющимся с удалением турецких войск из пограничных с Черногорией областей, и с новой разверсткой сербских земель». ¹⁰ В данных условиях единственным выходом для монарха будет, по его мнению, приглашение сербских инструкторов, несмотря на его недоверие и даже вражду к сербской династии и правительству. Важную роль в этом случае должен будет сыграть сам черногорский народ, «под Скутари (Шкодер – П.И.) торжественно братавшийся с сербским войском», а также члены правительства Черногории, которые будут вынуждены поддерживать народные требования. ¹¹

В этих обстоятельствах, при усиливающемся стремлении черногорского населения к скорейшему политическому объединению с Сербией, а также продолжающемся подспудном общественном недовольстве действиями короля Николы в период войны, черногорцы, по мнению посланника, не будут сожалеть об уходе российских инструкторов. Россия же, со своей стороны, избавится от «задачи самой по себе трудной и неблагодарной, которая при изменившемся положении вещей в этих краях и при невыяснившемся еще ближайшем будущем их, могла бы создать нам всякого рода осложнения, не исключая и таких, которые возбудились бы на почве возможных расчетов короля Николы и его династии с его подданными». ¹²

Иной была позиция по данному вопросу поверенного в делах России в Черногории Н.А. Обнорского, изложенная им в депеше от 16 июня 1913 г. в ответ на запрос министерства иностранных дел по поводу его взглядов на проблему дальнейшей инструкторской деятельности и в целом сохранения в силе военного соглашения между Россией и Черногорией. Соглашаясь с тем, что черногорская сторона нарушила взятые на себя обязательства, и что

данное обстоятельство должно естественно подвести к мысли о нецелесообразности сохранения указанного соглашения, российский дипломат подчеркивает, что, независимо от судьбы договора, полезная для Черногории деятельность России могла бы быть продолжена. В данном случае конвенцию, по его мнению, следовало бы заменить на простое техническое соглашение о статусе российских инструкторов, лишенное какой бы то ни было политической окраски, учитывая то обстоятельство, что «при более продолжительной и поставленной в более практические условия инструкторской деятельности русских офицеров могут быть нами достигнуты полезные результаты».¹³ Принятие же решения об отзыве инструкторов после войны, обнаружившей многочисленные недостатки в организации черногорской армии, вызванные как «некоторой теоретичностью в постановке нами здесь военного дела на новых началах, так и, в гораздо большей мере, крайней отсталостью и некультурностью черногорского населения», имело бы серьезные негативные последствия для самой России.¹⁴ Не говоря о потере многих миллионов рублей, уже вложенных в дело реорганизации армии, данный факт был бы воспринят как бегство русских, пришедших к убеждению о провале своей миссии, и имел бы крайне негативные последствия для авторитета России в балканских государствах вообще и в Черногории в особенности.

Что же касается получившей в Черногории определенное распространение (в связи со слухами об отзыве российских инструкторов) мысли о возможности приглашения сербских военных специалистов, то такой вариант представлялся Обнорскому едва ли осуществимым и по политическим, и по чисто техническим соображениям, по крайней мере, в ближайшем будущем. В частности, против данного шага была резко отрицательно настроена Австро-Венгрия, усматривавшая в нем, по словам австрийского дипломатического представителя в Белграде барона В. Гизля, «первый и, быть может, роковой для политической самостоятельности черногорцев шаг к тесному политическому сближению обоих сербских государств».¹⁵ В связи с этим, австро-венгерское правительство предпочитало видеть в Черногории российских инструкторов и в этих целях осуществляло по дипломатическим каналам воздействие на короля Николу, который, со своей стороны, из династических соображений, также опасался слишком тесных контактов своих подданных с сербами.

С другой стороны, подчеркивает российский поверенный в делах в Цетинье, и сама Сербия, в нынешних экономических условиях, вряд ли могла взять на себя сопряженное с крупными расходами ведение военного дела в Черногории, которая не в состоянии сама содержать свою армию. Что же касается позиции черногорского правительства по данному вопросу, то

Обнорский сослался на проходившую незадолго до этого его беседу с министром иностранных дел Черногории П. Пламенацем, который осторожно затронул вопрос об инструкторах, дав понять российскому представителю, что правительство, признавая некоторые обнаружившиеся за время войны недостатки в организации обучения черногорских войск и целесообразность его осуществления на большей практической основе, тем не менее, «находит желательным избежать ухода российских инструкторов из Черногории».¹⁶

23 июня 1913 г. Обнорский имел беседу с королем Николой, который, указав на торжественность переживаемого его страной момента в силу подписания мирного договора с Турцией, попросил довести до сведения российского правительства, что «король черногорский выражает искреннее сожаление, что под влиянием не зависевших от его воли причин его величеству пришлось начать войну вопреки советам России, но что на будущее время его величество твердо намерен в точности следовать советам и указаниям государя императора и императорского правительства, памятуя, что Черногория может быть сильной лишь в единении с Россией».¹⁷ Одновременно, король просил Обнорского ходатайствовать от его имени о возобновлении военной субсидии и восстановлении деятельности российских инструкторов, «в которых Черногория будет нуждаться еще в течение долгого времени».¹⁸

В этой связи заслуживает быть также отмеченным донесение Обнорского от 30 июня 1913 г., в котором автор подробно излагает свои соображения относительно принципов взаимоотношений России со своими балканскими союзниками и, в частности, с Черногорией. Он указывает, что Россия на собственном горьком опыте последних лет убедилась в том, насколько можно придавать веры заявлениям как самого черногорского короля, так и «прочих, более или менее случайных руководителей ее политики».¹⁹

Безусловно, продолжает автор, российское правительство в целом может рассчитывать на координацию своих дипломатических усилий с союзными балканскими государствами, однако, тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что «если балканские славяне и являются солидарными с Россией в основных чертах своей внешней политики, то в отдельных ее задачах они, как государства молодые и еще далеко не завершившие своего естественного развития, долго еще будут склонны ко всякого рода политическим авантюрам и, следовательно, уклонениям от твердого курса славянской политики, руководимой Россией».

Вот почему всякие политические и в особенности военно-политические соглашения между нашим великим, уже давно сложившимся

и ведущим мировую политику отечеством, и еще развивающимися отдельными славянскими государствами на Балканах представляются, по моему скромному мнению, продолжает Обнорский, весьма для нас неудобными и едва ли целесообразными.

Установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, формулированный в свое время одним из величайших исторических народов – римлянами – «*pacta servanda sunt*» («договоры должны выполняться» – П.И.), по-видимому, долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова».

Что же касается конкретной организации инструкторского дела, то, по мнению Обнорского, необходим продуманный подбор кадров на место инструкторов, ибо для несения данной службы нужны специалисты, не склонные «видеть в столь ответственной перед Россией и задачами русской политики командировке лишь источник своих личных карьерных комбинаций, легко осуществимых в исключительной обстановке черногорского двора».²⁰

В течение сентября и первой половины октября 1913 г. ситуация вокруг русско-черногорского военного сотрудничества еще больше осложнилась. Обострение сербо-албанских отношений и стремление короля Николы любыми способами вмешаться в данный конфликт с целью добиться для себя каких-либо территориальных приобретений (что проявилось в издании им указа об объявлении мобилизации нескольких бригад черногорской армии) побудили российское правительство продлить мораторий на действие конвенции 1910 г. и не отправлять в Черногорию уже заготовленные для нее военные грузы, получение которых могло бы быть расценено черногорским населением, уставшим от непрерывных войн, как «поощрение более серьезных по адресу албанцев замыслов своего господаря, не прекращающего подавать населению надежду на то, что тем или иным путем он добьется завладения областью, непосредственно прилегающей к Скутари».²¹

В середине октября 1913 г. совет министров Черногории предъявил королю Николу специальный меморандум, посвященный вопросам сербо-черногорских и русско-черногорских отношений следующего содержания:

«1) в целях восстановления существовавшего порядка оказания Россией материальной помощи, желательно приложить к тому все усилия до покаянной поездки в Петербург включительно. 2) установление самых тесных отношений с Сербией, подкрепленных «письменным» с ней соглашением по делам дипломатическим, экономическим и военным. 3)

поддержание корректных отношений с австрийским правительством и назначение в Вену, если окажется возможным, дипломатического представителя».²²

Изложение данной программы в письменной форме было неодобительно встречено королем Николой, который упрекнул министров в том, что они стремятся «увековечить память о себе в архивах».²³

Тем не менее, король был вынужден обсудить с министрами положения данного документа, по итогам которого он сделал на нем собственноручную пометку «одобряю».²⁴

Однако сами министры довольно скептически отнеслись к возможности изменения общего курса короля, объясняя его согласие соображениями чисто тактического плана, связанными с предстоящим созывом скупщины, членами которой министры не являлись.²⁵

Тем не менее, совместное обращение членов совета министров произвело определенное впечатление на черногорского короля, и он пригласил к себе на аудиенцию российского поверенного в делах в Цетинье Обнорского, которая состоялась 28 октября 1913 г. и была посвящена обсуждению основных вопросов, затронутых в меморандуме. Никола подробно ознакомил Обнорского с тяжелым положением Черногории после двух войн, причем не только финансовым, но и психологическим, и высказал свое твердое намерение впредь неукоснительно следовать советам России, «без могущественной поддержки которой Черногория нормально существовать и развиваться не может».²⁶ При этом король поделился с российским представителем своим тайным намерением отправить собственноручное письмо Николаю II с подробным объяснением причин, вынудивших Черногорию прибегнуть в последнее время к действиям, не всегда следовавшим указаниям российского правительства.

Спустя несколько дней, король Никола еще раз пригласил к себе Обнорского и вновь выразил свое искреннее желание искать пути к восстановлению традиционно близких отношений с Россией. По очереди коснувшись вопросов о военной субсидии, инструкторах и деятельности функционировавшего в Черногории при российском финансовом содействии Мариинского института, Никола в завершение беседы отметил, что сознавая допущенные им прискорбные недоразумения в отношениях с российским правительством, он стесняется о чем-либо просить его, но с искренней благодарностью примет все, что Россия нашла бы необходимым сделать для его страны. При этом, подчеркнул Никола, его единственным ответом на любые советы и указания России будет слово «слушаюсь».²⁷

Обнорский подчеркнул в своей депеше от 2 ноября 1913 г., что окончательное прекращение деятельности российских инструкторов в

Черногории, равносильное сдаче позиций России, поставило бы и короля Николу, и его подданных в крайне затруднительное положение и могло бы «повлечь за собой весьма серьезные внутренние и внешние политические осложнения и замешательства в этой маленькой славянской стране, хотя бы и ставшей, с падением турецкого режима на Балканах, своего рода политическим анахронизмом, но имеющей, благодаря своим историческим заслугам и не раз понесенным кровавым жертвам, право на спокойное существование и развитие».²⁸

Кроме того, сохранение военного сотрудничества с Черногорией имело бы, по мнению Обнорского, позитивное значение для нормализации международных отношений на Балканах и вместе с тем сохранения принципа статус-кво «от новых сюрпризов со стороны короля Николая и его правителей, которые, как теперь выясняется, были бы доведены до полного отчаяния окончательным отказом в помощи со стороны России».²⁹ Наконец, присутствие в Черногории армейского корпуса, обученного российскими офицерами и преданного России, само по себе играло бы роль сдерживающего фактора по отношению, прежде всего, к Австро-Венгрии.³⁰

После изучения данного вопроса, как на основании сообщений российских представителей в Сербии и Черногории, так и с учетом общеполитической обстановки в Европе, министр иностранных дел России С.Д. Сазонов направил письмо на имя военного министра, датированное 5 декабря 1913 г., в котором изложил позицию своего министерства по указанной проблеме. Он подчеркнул необходимость продолжения военного сотрудничества России с Черногорией, но высказался за изменение условий его осуществления в целях добиться большей самостоятельности российских офицеров-инструкторов в деле осуществления ими своих обязанностей. Кроме того, по мнению Сазонова, русско-черногорское соглашение должно включать в себя перечень условий, неисполнение которых черногорской стороной автоматически будет иметь следствием немедленное, полное и окончательное прекращение всякой военной помощи этой стране.³¹

Данные положения были также изложены Сазоновым во всеподданнейшей записке от 24 декабря 1913 г., получившей одобрение Николая II.³²

Одновременно министр иностранных дел дал указание поверенному в делах в Черногории заявить королю, в форме личного мнения, что Россия, «быть может не откажет в этой помощи при непрременном однако изменении нынешних ее условий».³³

3 февраля 1914 г. в российском Генеральном штабе состоялось совещание, посвященное обсуждению будущего русско-черногорского

военного сотрудничества. Повестка дня совещания, в работе которого принимали участие, помимо представителей военного ведомства, товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов и начальник Ближневосточного отдела министерства иностранных дел князь Г.Н. Трубецкой, включала следующие вопросы:

1) следует ли возобновить военное соглашение между Россией и Черногорией;

2) в случае утвердительного ответа - в каком виде и размере желательна военная помощь Черногории в отношении:

А) денежной субсидии;

Б) снабжения черногорского правительства военными материалами;

В) командирования инструкторов;

Г) открытия кадетского корпуса.³⁴

На совещании представителями российского военного руководства были обнародованы расчеты, согласно которым, в случае продолжения участия России в реорганизации черногорской армии, представлялось необходимым образовать в Черногории шесть дивизий общей численностью 60.000 человек; что же касается денежных расходов, то они составили бы 2 миллиона рублей на содержание армии, 2 миллиона - на военно-техническое снабжение и ежегодно 500.000 рублей в качестве оплаты деятельности российского офицерского инструкторского корпуса. Кроме того, данными расчетами предусматривалась необходимость одновременного выделения еще 15 миллионов рублей на создание артиллерийской базы и снабжение достаточным количеством военных материалов. Признавая, однако, невозможность получения согласия Государственной Думы на выделение столь значительных сумм, представители военного ведомства высказали сомнения в целесообразности вообще оказания какой-либо военной помощи Черногории.³⁵

Со своей стороны, участвовавшие в работе совещания представители министерства иностранных дел отметили, что при нынешнем экономическом и политическом положении Черногории численность ее армии в 60.000 человек является преувеличенной и соответствует, в первую очередь, исходным данным и пожеланиям самой Черногории. Между тем, с точки зрения интересов России, по их мнению, не представляется желательным создавать из черногорской армии значительную самостоятельную боевую единицу; наоборот, гораздо предпочтительнее «поставить ее в возможно тесную связь с сербской армией, совместно с которой она только и способна была бы к сколько-нибудь значительным военным операциям».³⁶ Такая постановка вопроса позволила бы значительно уменьшить размеры российской военной помощи Черногории и продолжать

оказывать ее приблизительно в тех же масштабах, что и ранее. С другой стороны, представители внешнеполитического ведомства поставили вопрос о том, что в случае отказа России продолжать военное сотрудничество с Черногорией, ее правительство может обратиться с аналогичным ходатайством к какой-либо другой державе, что может быть невыгодно для интересов России.³⁷

Сообщая об итогах совещания в Генеральном штабе в российскую миссию в Черногории, Сазонов предложил поверенному в делах в этой стране изложить свои соображения по поводу расчетов военного ведомства, что и было им сделано в депеше от 23 февраля 1914 г.³⁸

Обнорский поставил под сомнение точку зрения военных экспертов о нежелательности для России продолжать военную помощь черногорскому правительству, ибо возможная в таком случае передача инструкторского дела Сербии вызовет крайнее раздражение черногорского короля, который уже получил от российской миссии сообщение о принципиально положительном решении данного вопроса, а также породит противодействие со стороны Австро-Венгрии, не желающей допускать какого-либо присутствия Сербии в черногорских делах и слишком поспешного процесса их политического сближения. Что же касается финансовой стороны дела, то, соглашаясь с мнением военного ведомства о необходимости организации 60-тысячной черногорской армии, он указывает, что, с учетом состояния черногорской казны, на долю России придется два с небольшим миллиона рублей. Однако, по его мнению, финансирование реорганизации черногорской армии может быть осуществлено не путем единовременной субсидии, а в течение нескольких лет, что существенно облегчит все финансовые операции. Кроме того, согласно расчетам Обнорского, в мирное время Черногории достаточно располагать 6-тысячной армией. Количество необходимых инструкторов также, по сведениям черногорской стороны, может быть уменьшено по сравнению с оценками российского Генерального штаба, составив 17 офицеров и 60 унтер-офицеров, что потребует ежегодных ассигнований 300.000 рублей в год. В целом, по мнению российского поверенного в делах, и единовременное выделение 15 миллионов рублей является чрезмерным.

Обнорский полагал, что Россия должна «оберегать как Сербию, так и родственную ей Черногорию от скороспелых планов их политических деятелей, хотя бы и талантливых как г. Пашич, но почти всегда страдающих отсутствием широкой перспективы, вследствие некоторого провинциализма политической мысли, столь присущего деятелям мелких государств».³⁹

Этим провинциализмом российский дипломат и объясняет не раз им

наблюдавшееся явление, когда «даже наиболее выдающиеся балканские деятели в интеллектуальном отношении значительно уступают среднеодаренным европейским дипломатам.

Вот почему, оказывая поддержку и помощь мелким государствам, с слабым культурным бытом, великодержавные государства, – как всегда и поступает наше отечество, – не должны выпускать из своих рук общее руководство и инициативу», – заключает Обнорский.⁴⁰

Находившийся в этот период в Санкт-Петербурге Гирс также представил свои соображения в связи с обсуждением указанного вопроса на уровне военного ведомства и министерства иностранных дел России. Его программа решения вопроса русско-черногорского военного сотрудничества предусматривала следующие шаги: 1. Направление в Россию из Черногории отобранных на основании рекомендаций российского военного агента в этой стране группы черногорских офицеров для их подготовки к самостоятельному осуществлению инструкторской деятельности у себя на родине, путем их прикомандирования к военным частям и военным учебным заведениям в России. 2. Отказ от командирования в Черногорию российских унтер-офицеров, ибо их пребывание в рядах черногорской армии, «доселе не усвоившей истинных понятий воинской дисциплины и весьма склонной к политиканству, может неблагоприятно отозваться на самих инструкторах».⁴¹

Через два-три года получившие военное образование черногорские офицеры смогут сами образовать корпус инструкторов, что освободит Россию от различного рода трудностей и издержек, связанных с организацией в больших масштабах инструкторской деятельности своих офицеров. На ближайшее же время численность черногорской армии должна быть сведена к минимуму, необходимому для поддержания обороноспособности страны, что явится значительным облегчением для черногорского населения и воспрепятствует осуществлению королем Николой каких-либо авантюрных планов, связанных с проведением военных операций, в первую очередь, против формирующегося Албанского государства. Сама же материальная помощь должна, по мнению Гирса, отпущаться не в денежной форме, а исключительно в виде поставок военного снаряжения, причем не по требованиям черногорского правительства, а лишь по запросам и под контролем военного агента России в Черногории. Что же касается открытия в Черногории кадетского корпуса, о чем также шла речь в ходе обсуждения указанного вопроса, то это, по мнению Гирса, не является настоятельно необходимым; но если, тем не менее, данное мероприятие будет признано таковым, то контроль над деятельностью корпуса должен быть возложен на особый училищный совет,

находящийся под председательством того же военного агента.⁴²

Все вышеприведенные соображения были доложены Сазоновым руководству военного ведомства, с дополнительной оговоркой о том, что, по мнению МИД, управление черногорским военным министерством также должно быть поручено российскому офицеру.⁴³

13 апреля 1914 г. в Генеральном штабе состоялось еще одно совещание, посвященное вопросу о возобновлении Россией военной помощи Черногории. В его работе приняли участие начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н.Янушкевич (председатель совещания), от министерства иностранных дел - Нератов, князь Трубецкой и Гирс, от Главного управления Генерального штаба - генерал-квартирмейстер Генерального штаба, генерал-лейтенант Ю.Н.Данилов и помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба генерал-майор Н.А. Монкевиц. В результате длительного обсуждения участники совещания пришли к выводу о необходимости, для обеспечения военных интересов России на случай возникновения военного столкновения с Австро-Венгрией, наличия в Черногории сильной и боеспособной армии. К этому мнению в итоге присоединился и Нератов, первоначально отстаивавший точку зрения, что вопрос о русско-черногорском военном сотрудничестве не связан с какими-либо военными интересами России и должен рассматриваться исключительно на основе общеполитических соображений, что позволило бы ограничиться минимальными средствами, отпускаемыми на подготовку черногорской армии.⁴⁴

В итоге члены совещания пришли к заключению, что «разрешение вопроса о продолжении русской военной деятельности в Черногории в том или ином виде желательно было бы установить путем обмена мнений между главами соответствующих министерств и внесения затем этого вопроса в совет министров».⁴⁵

Тем не менее, несмотря на, в целом, позитивное отношение в министерстве иностранных дел России и в российском военном ведомстве к вопросу о возобновлении русско-черногорского военного сотрудничества, конкретное решение указанного вопроса затянулось и не получило своего действительного наполнения вследствие происшедших в конце июня 1914 г. событий, ставших прологом к Первой мировой войне.

Примечания

¹ По вопросу о характере русско-черногорского военного сотрудничества и перспективах его возобновления после Балканских войн в историографии существуют различные точки зрения. По мнению черногорского исследователя Н.Шкеровича, инициатива в вопросе о возобновлении действия конвенции принадлежала российскому Генеральному штабу, а не черногорскому правительству или королю – См.: Шкеровић Н. Из односа Црне Горе и Русије: Војна конвенција 1910. // Историјски записи, 1959. Књ.ХVI. Св.3-4. В то же время сербский историк Й.Йованович указывает на определяющую роль в этом отношении Николая II, утверждая, что руководящие военные круги России занимали как раз противоположную позицию - См.: Јовановић Ј. Русија и Црна Гора // Записи. 1933. Књ.ХII. Иных взглядов придерживался Ю.А.Писарев, полагавший, что впервые вопрос о возобновлении действия российско-черногорской конвенции был поставлен королем Николой в ноябре 1913 г.; однако российский Генеральный штаб также положительно отнесся к необходимости оказания Черногории материальной помощи // Ю.А.Писарев. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.Политархив. Оп.482.

Д.3341. Л.1.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.3.

⁵ Там же. Л.4. Российско-черногорская военная конвенция, подписанная 30 ноября 1910 г., предусматривала оказание Россией содействия в развитии черногорских вооруженных сил путем предоставления ей ежегодной военной субсидии, военных материалов, а также непосредственного направления российских военных специалистов. Согласно статье седьмой данной конвенции, черногорское правительство взяло на себя обязательство «не предпринимать никаких военных действий без предварительного соглашения с императорским правительством, а также не заключать военные соглашения с каким бы то ни было иным государством без согласия его императорского величества» // Историјски записи. Титоград, 1959. Књ.16. Св.3-4. С.115.

⁶ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.3341. Л.4.

⁷ Там же. Л.7.

⁸ Там же. Л.8.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л.12.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л.14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л.15.

¹⁷ Там же. Л.26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л.27.

²⁰ Там же. Л.28.

²¹ Там же. Л.65.

²² Там же. Л.66.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л.67.

²⁷ Там же. Л.71.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

- ³⁰ Там же.
³¹ Там же. Л.85.
³² Там же. Л.157.
³³ Там же.
³⁴ Там же. Л.94-95, 116.
³⁵ Там же. Л.98.
³⁶ Там же. Л.98-99.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же. Л.99, 102-104.
³⁹ Там же. Л.103-104.
⁴⁰ Там же. Л.104.
⁴¹ Там же. Л.108.
⁴² Там же. Л.107-109.
⁴³ Там же. Л.112, 158.
⁴⁴ Там же. Л.131-134.
⁴⁵ Там же. Л.134.